ГИ200
Г1184

В. А. Максимов

Октябрь в Удмуртии

Удгиз 1935 Ижевск

Данная брошюра является переработанной и значительно расширенной статьей из вводной главы ст. „Кулацкая контрреволюция и Ижевское восстание".

В. А. МАКСИМОВ

ГИ200р
М184

ОКТЯБРЬ В УДМУРТИИ

2 экз.

УДГИЗ 1935 ИЖЕВСК

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИЛ

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
У.П.(б)

ГИ200
М184
Р № 69589 У

Отв. редактор С. С. Невструев.
Техн. редактор А. Н. Клабуков
Сдано в набор 27 декабря 1934 г.
Подписано к печати 14 января 1935 г.
Размер 2 3/4 изд. л. В 1 изд. л. 38400.

Упол. главлит № 1226 Заказ № 36[illegible]4
Удгиз № 127 Тираж 5000 экз.

УАССР г. Ижевск, ул. Энгельса 4. Гостипография.

Введение

Удмуртия являлась колонией царской России. Населяют ее удмурты (55%), русские (30%), татары, бессермяне и другие народности. Основная масса населения занималась земледелием. Край в сравнении с центральной Россией был отсталым. Однако, в этом лесном уголке бывшей Российской империи, наряду с разбросанными мелкими кустарными и полукустарными предприятиями, дымились трубы двух гигантов: Ижевских и Воткинских заводов. Чтобы судить о величине этих промышленных очагов, достаточно указать на то, что на одних Ижевских заводах работало до войны 12 — 15 тысяч человек, а в период империалистической войны число рабочих дошло до 40 тысяч. Промышленных центров в царской России с такой концентрацией рабочей силы было очень немного.

Эти заводы существовали с 1760 годов. История их развития органически переплелась с историей экономического развития и социальных отношений в целом крае. Все

наиболее крупные классовые столкновения в Удмуртии связаны с именем этих заводов, с их рабочими. Поэтому нельзя рассматривать историю классовой борьбы в крае вне связи между рабочими этих заводов и крестьянством Попытки Сапожникова, Сергеева, Короткова осветить основные моменты классовых боев в Ижевске (революцию 1905 года, Февральскую и Октябрьскую революции и период гражданской войны) отдельно, вне связи с деревней, без учета момента национально-освободительного движения колониально угнетавшейся Удмуртии,— не могли дать правильных ответов на основные вопросы истории революционного движения в Удмуртии. Только увязка рабочего движения с крестьянским и национально освободительным движением может дать и дает правильный анализ событиям в истории Удмуртии — в целом, и классовой борьбы — в частности. Для того, чтобы осветить нашу тему „Октябрь", сделаем беглый обзор социальных отношений в крае до Февральской революции.

Удмуртская деревня в прошлом

Хотя Удмуртия и была относительно (в сравнении с передовыми районами бывшей Российской империи) отсталой, однако, она далеко не представляла такой дикой страны, как ее описывали великодержавные буржуазно-помещичьи историки, пытаясь своей концепцией изобразить колониальный грабеж самодержавной России, как просветительную миссию великорусского народа. Она не была и такой, как описывали местные националистические буржуазные историки. Тот родовой строй, который так восторженно воспевали эти историки, очень давно рухнул. Буржуазные историки под внешней оболочкой отношений, напоминающих по своей форме прошлые полуродовые отношения, не видели и не хотели видеть, как под этой оболочкой в классово дифференцированной удмуртской деревне происходит феодальная и капиталистическая эксплоатация основных масс крестьянства, как наряду с господствующими классами великодержавной

нации высасывает соки с пауперизирующегося крестьянства верхушка деревни Удмуртии.

Характерность положения удмуртской деревни заключалась в том, что здесь очень мало было помещичьего землевладения. Однако, это не значит, что население Удмуртии было свободно от феодального гнета. Ленин в характеристике пореформенной России отмечает, как наиболее яркие черты остатков феодальных отношений, „абсолютизм[1] (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегия крепостников-помещиков) и подавление национальностей". Все эти остатки феодализма в Удмуртии были не меньше (если не больше), чем в других районах царской России, только они по форме приняли свои специфические черты, выгодные в данном районе господствовавшему классу помещиков. Если в сельском хозяйстве выжимал соки с крестьян помещик, то его и с большим успехом заменил государственный аппарат самодержавия со своим неизменным придатком — церковью. Вместо пашни благородные лендлорды-помещики предпочитали иметь колоссальные участки лесных дач. Это было выгодно потому, что близость горных заводов позволяла больше получить доходов с леса,

[1] Ленин, т. XIX, стр. 16 (изд. 1-е)

чем с пашни. С другой стороны отсутствие лесных владений у крестьян давало возможность не меньше выкачивать, чем это было в других районах России при помощи отрезков.

По роду бывших владений лесные дачи Удмуртии распределялись следующим образом:

а) быв. ведомств.	государств. имущества	744424	дес.
б) „ „	артиллерийского . . .	105059	„
в) „ „	горного	69696	„
г) „ „	удельного	2368	„
д) „ „	городских	1593	„
е) „ „	посессионных	1321	„
ж) „ „	частновладельческих .	62482	„
з) „ „	наделов завод. мастеров.	14655	„
и) „ „	крестьянских	190911	„
	ИТОГО . .	1192509	дес.

Крупные лесопромышленники, главным образом, покупавшие лес для отправки на волжские рынки, старались дровяной лес реализовать на месте местному населению или мелким лесопромышленникам, занимавшимся поставкой топлива для местного потребления.

Такой порядок лесовладения и лесопользования приводил к кабальной эксплоатации всей массы удмуртского населения. При наличии 60% площади республики, покрытой лесом, крестьяне должны были покупать себе дрова за 20—50 километров. Наряду с этим,

лесопромышленники хищнически эксплоатировали массы на вывозке и сплаве леса. Из трудовой части крестьян оформляется сезонный лесорабочий, который вынужден, как отмечал Ленин, „продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях“ (Ленин, т. III, стр. 432).

Ленин в работе „Развитие капитализма в России“ отмечает, что в 9 уездах Вятской губернии (из 11) в конце XIX века насчитывалось лесорабочих 56430 человек. Удмуртская республика до революции почти целиком входила в Вятскую губернию. Отсюда можно судить и о развитии лесной промышленности в дореволюционной Удмуртии.

Государственное, помещичье и купеческое лесовладение в своей эксплоатации опиралось на массу низшей лесной администрации: об'ездчиков и лесной стражи, которая в эксплоатации масс крестьянства мало чем отличалась от полицейской стражи: ей было предоставлено право административных исков по лесным делам. Царило массовое взяточничество и штрафы. Таким образом, вопрос лесовладения в Удмуртии играл крупную экономическую и социальную роль, о которой, кстати сказать, историки пока почти не писали.

Помимо лесных владений помещики сыздавна были хозяевами горных заводов. Никакой разницы между крестьянами, работав-

шими на барской пашне, и прикрепленными к горным заводам крестьянами в эпоху крепостничества, а потом частично и в пореформенный период, конечно, не было. Помимо этого существовал ряд натуральных повинностей.

Сюда относятся повинности по поставке подвод для всех чинов и рангов начальства, подводы для проезда стражников с ссыльными, постройка и починка всех дорог, возка метериалов для строительства церквей, волостных правлений и проч.

Пореформенные порядки в колониально-угнетенной Удмуртии мало чем отличались от дореформенной крепостной эпохи. „Вятская незабудка" дает характерное описание расхищения денег в губернской канцелярии, относящееся к 1870-м годам. Ревизия выяснила, что растрачены „деньги из добровольных пожертвований по губернии в пользу голодающих России, деньги из продовольственного капитала башкир, деньги, высылаемые из министерства на расходы по наблюдению за сплавом леса, деньги, принадлежащие городским обществам, деньги, высылаемые ссыльным (полякам) их родиной, деньги, пожертвованные на ломоносовскую стипендию, деньги в вознаграждение одному лицу из археологического комитета, деньги, пожертвованные в публичную библиотеку,

деньги, пожертвованные на образование капитала священно-народной кассы, деньги"[1]... и так еще целый столбец перечисления наименований денежных фондов, растраченных губернской канцелярией. Такой произвол сохранился до самой революции. Он пополнялся произволом взяточничества.

Весь этот грабеж шел под крестным знаменем. Поп был в роли, напоминающей прежнего феодала: ему было поручено следить за „инородцами" в отношении их нравственности и исполнения христианских обрядов. Он регулировал браки, следил за политической благонадежностью, боролся с язычеством и „просвещал христовым учением". Он требовал исполнений христианских обрядов и за все это „усердие" брал по феодальному принципу с „венца" и души „ругу": деньги, рожь, овес, ячмень, лен, горох, картофель, шерсть, масло, мясо, яйца.

Думается, что прогремевшее „Мултанское дело" по обвинению удмуртов в человеческом жертвоприношении, для читателя даст вполне представление о степени национального гнета. Таким образом, феодально-крепостные остатки в Удмуртии были до самой революции в очень ярком виде. Сюда надо еще отнести феодальные остатки из среды самих

[1] „Вятская незабудка", изд. 1878 г.

удмуртов: жречество, лекари, „абызы“, „тунаси“ и прочие, которые являлись присосавшимися пиявками на теле удмуртской общины. Были еще налицо и остатки феодальных межнациональных отношений с татарами, как остатки владычества татарских мурз в прошлом. В Глазовского уезде верхушка селения Кестым на десятки километров эксплоатировала окружающее удмуртское население поборами „за пастьбу лошадей“. В действительности никакой пастьбы лошадей не было на крестьянских лугах, не было у эксплоататоров и пастухов, а держали трудовое крестьянство в кабале, террористически угрожая, что в случае неуплаты оброка будет „пропажа“ (правильнее кража) лошади неплательщика. Остатки крепостничества задерживали развитие капитализма. Благодаря им крестьянство несло больше тягот и в ряде районов вымирало. Однако, капитализм развивался, а вместе с этим все глубже шла дифференциация крестьянства. Чтобы не быть голословным, приведем выдержки, описания удмуртской деревни, относящиеся к концу XIX века.

Описывается удмуртская деревня Ляльшур в 35 верстах от Воткинского завода, в 105 верстах от уездного города Сарапула, в 47 верстах от судоходной реки Камы. Это один из более глухих уголков Удмуртии. Автор да-

ет такую характеристику типов хозяйств этой деревни.

„Первый тип — двор зажиточный. Двор этот за уплатою податей и довольством семьи имеет в запасе сотню, другую, третью наличных денег, да муки и жита в закромах на сотню-другую рублей, да скирд около десяти, рублей на 5000.

Такой двор ни частным лицам, ни в волостную вспомогательную кассу денег не должен, напротив, ему должны недостаточные и бедные дворы. Скота имеет всегда достаточное количество. Стол его из лучших, если он не скряга. Особенность наличия средств выражается большим количеством скирд хлеба, лучшими лошадьми, хорошей сбруей и чистой одеждой. Таких дворов в общине 13.

Второй тип — двор достаточный. Этот двор имеет в запасе несколько десятков рублей и несколько скирд хлеба в полях. У него недостатка ни в рабочих лошадях, ни в другом скоте нет. Лошадей, сбрую и экипаж имеет наравне с зажиточным. Долгов у него нет. Может быть некоторый и занимает, но на свои прихоти и то лишь из нежелания продавать хлеб. Достаточных дворов в общине 35.

К третьему типу причисляются дома недостаточные. У такого двора в запасе

наличных денег имеется редко. Скирд на полях не имеет. Случается, что иногда занимает и хлеба, но богач его не закабаляет. Уплату податей затягивает. Таких дворов я насчитал 18.

Четвертый тип — бедный двор. Лошадей большая часть имеет по одной, редко по две. Такой двор подати затягивает долго и уплачивает обыкновенно кое-как, часто с помощью других. Нередко хлеба нехватает и на осеменение полей, и потом нужда заставляет сеять его „исполу". Отличительный признак бедности — плохие кони, часто неимение телег. Бедных дворов 12.

К последнему типу причисляется двор неимущий. Таких дворов 5, хотя, в сущности, и нельзя бы называть их неимущими, ибо они живут в своих избушках, за исключением одного, который по зимам помещается в доме родственника. Лошадей они не имеют. В хлебе у них вечный недостаток, и потому пробиваются изо дня в день то попрошайничеством, то работой на зажиточных, а в неурожайные годы собирают милостыню. Хлеба своего сеют мало. Они свой надел отдают члену другой общины с обязательством уплачивать подати.

Такие дворы, равно и как бедные в нужде должны обращаться к состоятель-

ным, т. е. к тем, которые в состоянии помочь им[1].

Эта дифференциация находит отражение и в статистических данных земства за эти годы. Безземельных крестьян удмуртов Вятской губерниии значится 1,8 %, с наделом от 0,1 до 5 дес.—0,38 %, от 5 до 10—дес. 6,8 %, с 10 до 15 дес.—13,3 %, с 15 до 25 дес.—33,7 %, с 25 до 50 дес.—23,5 %, с 50—100 дес.—4,7 %, остальные выше 100 дес. Другие показатели: бескоровных 14 %, безлошадных 5,4 %, кроме того, обрабатывающих землю исключительно наемным трудом 480, смешанным—2623, при общей сумме 38041 хозяйство в губернии[2].

Это описание полностью подтверждает тот анализ, который был сделан В. И. Лениным в „Развитии капитализма":

„Разложение крестьянства, развивая за-счет среднего „крестьянства" его крайние группы, создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов-товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип — сельская буржуазия или зажиточное крестьянство... Другой новый тип — сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. Сюда входит

[1] Календарь Вятской губ. за 1896 г., ст. Верещагина
[2] Материалы по статистике Вятской губ., т. XII, ч. 2.

и неимущее крестьянство, в том числе и современно безземельное... Промежуточным звеном между этими пореформенными типами „крестьянства“ является среднее крестьянство. Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства... По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции... Таким образом происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымирание средних членов и усиление крайностей „раскрестьянивания“.

Процесс развития капитализма и „раскрестьянивания“ масс крестьян в удмуртской деревне проходил наиболее болезненно для основных масс крестьянства не только потому, что здесь сильны были феодально-крепостнические остатки, но и потому, что грабеж удмуртских масс в деревне шел со стороны феодальных остатков и кулачества под покрывалом сохранившихся родовых остатков.

Родовые остатки: „взаимопомощь“—„веме“, обычное право „сям“, родовой совет старшин „кенеш“ в условиях классовой дифференциации общества становятся орудием

эксплоатации и подавления эксплоатируемых со стороны эксплоататоров. Феодальные остатки удмуртской деревни и кулачество под видом взаимопомощи получают даровую рабочую силу, под видом демократического решения общественных вопросов эксплоататоры используют „кенеш“ для подавления масс крестьянства. Обычное право „сям“, регулировавшее в доклассовом обществе отношения между людьми в интересах родов, в классовом обществе становится орудием регулирования взаимоотношений в интересах господствующих классов, в пореформенной Удмуртии в интересах кулачества и феодальных остатков. Право „сям“ охраняет интересы собственности эксплоататоров[1]. Чтобы показать сущность родовых остатков и их роль в дореволюционной удмуртской деревне, возьмем несколько выдержек из приведенного выше описания Верещагиным деревни Ляльшур. Автор пишет:

„Если член общины почему либо обеднел, имущество его для погашения числящейся на нем податной недоимки не продается, а вносят за него подати первым

[1] В книге „Вотяки“ изд. в 1925 г., мной была допущена ошибка в вопросе о „кенеше“—не в скрыта социальная роль этого органа. В работе „Кулацкая контревол. и Ижевское восстание“ также дана формулировка неточная.

долгом родственники, они дают ему и семян для сева полей, и лошадей для обработки земли. Если же нет у них родственников, или последние сами платят подать кое-как, то помогает община, чтобы обедневший не дошел до крайней нищеты."[1]

Автор называет это „гуманным обычаем". Посмотрим, насколько „гуманность" эта была в интересах бедноты. Для иллюстрации возьмем дальнейшие выдержки из этого же очерка. Верещагин пишет:

„Если состоятельный или богач и помогает им (нуждающимся, В. М.), то чаще из корыстных целей. Например, богач обязывает бедняка в самый разгар страды жать прежде всего его хлеб. Случается нередко, что бедняк, как наступит страдная пора, жнет богачу безвозмездно целой семьей, — лишь в виде процентов за взятую ссуду, а свой хлеб у него стоит в поле до того времени, пока богач не уволит его перед окончанием своих полевых работ. Тогда лишь только и начинает бедняк жать свой перезревший хлеб. Но, к беде его, половина хлеба уже остается на полосе.

Богач, убравший свой хлеб, пустит в

[1] Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 г., стр. 85.

Инв. № 69589

ИМЭЛ

поле скот и, пожалуй, не постыдится скормить часть хлеба бедняка своему скоту и то за это не осмелится жаловаться в суд, ибо может лишить себя возможности получить ссуду на будущее время... И в волостной вспомогательной кассе, в силу существующих правил о выдаче ссуд, бедняку денег получить трудно, так как в обеспечение исправного возвращения ссуды он должен представить прежде всего поручителей... А поручителей бедняку трудно найти...[1]

Такая эксплоатация могла держаться только на насилии. Тот же Верещагин описывает драки на сходах „кенеша", где бедняк „только слушает, не смеет и слова промолвить"[2]. На сходах „кенеша" у пожарных сараев беднота и середняки получали распространенное наказание в удмуртской деревне — удары прутьями за „нерадивость к несению общественных обязанностей" — починку изгороди, потраву посевов, невыплату недоимок и проч. „Лудорвайское дело" — это попытка использовать старые методы угнетения трудящихся кулачеством в условиях диктатуры пролетариата. Удары прутьями, а иногда даже применение по при-

[1] Там же, стр. 102—103.

[2] Там же, стр. 126.

говору „кенеша" смертной казни, держали под террором бедноту в кабале. Вполне понятно, что при таких порядках при земельных переделах „богатым достается лучшая земля, так как они правила жеребьевки нарушают часто. Бедные же богатым не могут прекословить[1].

Под покрывалом, напоминающим древние родовые отношения, идет хищническая эксплоатация масс крестьянства. „Если нет своих семян (у бедняка, *В. М.*) занимает их у родственника или другого. более доброго (еще бы! *В. М.*) члена общины. Но обыкновенно ему трудно бывает получать семена. Более такие сеют хлеб исполу, т. е. пополам. Например бедный берет у зажиточного семян и засевает ими свою землю, с обязательством убрать хлеб и измолотить его и полученное жито с соломой разделить пополам с давшим семена без возврата их. Впрочем, во время дороговизны хлеба семена обыкновенно возвращаются и делится пополам только оставшееся количество, за вычетом первых..."[2]

Такое описание классовой дифференциации удмуртской деревни к началу XX века должно получить еще большую яркость к нача-

---

[1] Там же, 118 стр.

[2] Там же, стр. 134.

лу империалистической войны, ибо с развитием капитализма классовое расслоение развивалось все глубже. Феодально-крепостнические остатки давали основу для развертывания социальной борьбы масс против остатков крепостничества, а классовая дифференциация среди крестьянства давала основу для развертывания второй социальной войны — против буржуазии. Сращивание кулачества деревни с остатками феодально-крепостных остатков неизбежно делали удар по остаткам феодализма одновременно и ударом по кулачеству.

Город Ижевск

Основные кадры рабочего класса в Удмуртии были в городе Ижевске. Поэтому в вопросе о пролетарском движении мы остановимся на этом промышленном центре. Своеобразие Ижзаводов заключалось в том, что они являлись казенными оружейными заводами в условиях колонии. Отсюда особая забота самодержавия в отношении материальной помощи заводу и заботы о сохранении порядка на заводе, обеспечивающего военные интересы самодержавной России.

Ижевские заводы находились в несколько привилегированном положении по сравнению с массой других предприятий в России это дало возможность создать на них для известной части рабочих сравнительно лучшие условия материального существования. Относительная обеспеченность части рабочих особенно резко выделялась на общем фоне крайне тяжелого положения всей рабочей массы. Как и всей России, рабочие на Ижевских заводах были зажаты в тиски жесточайшего капиталистического и феодального гнета (в том числе и в его национальной форме). Особенностью заводского режима в Ижевске была практика ничем не сдерживаемого произвола администрации по отношению ко всей рабочей массе. По словам рабочего Кузнецова еще в конце XIX века „каждого опоздавшего на несколько минут на работу к 4 часам утра, у заводских ворот клали на скамейку и пороли розгой. За большее „преступление“ — за один или несколько дней прогула — нужно было выдержать такое наказание, как пройти сквозь строй в 500 человек, вооруженных палками. Если пострадавший не вынес избиения и слег на половине, его клали на тележку и битье палками продолжалось. Если „виновный“ потерял чувство, не выдержав 500 ударов палкой, его отправляли в лазарет на

излечение и после выхода он получал недополученные удары[1]".

Однако, этот произвол администрации в отношении рабочих сочетался одновременно некоторым заигрыванием начальства с частью рабочих, наиболее высокооплачиваемых. Эта часть рабочих имела всякого рода движимое и недвижимое имущество: дома, скот и проч.

Подтвердим имущественные положения рабочих некоторыми данными.

„По подворной переписи Вятского губернского земства, в 1912 году в нагорной части Ижевска было 3530 русских дворов, 1 вотский, 5 татарских, 3 еврейских и 1 немецкий; в Заречной—2244 русских двора, 1 вотский, и 140 татарских. В них жило: на горе — 15559 чел., заречкой — 10730 человек, а всего по Ижевску 26289 человек в 5925 дворах или по 4,4 чел. на двор в среднем"[2].

Таким образом большинство рабочих Ижевска имели свои домики и дворы. Однако, собственники домов были далеко не одинаковы в отношении ценностного выражения своего имущества. Масса рабочих имела свои „дома" в одно, два и три окна.

---

[1] Рапорт Ижстальзавода, изд. 1934 г. стр. 5.

[2] По неизданой рукописи Стрельцова (стр. 14).

Только небольшой процент рабочих имел двух-этажные деревянные дома и мог не только сам обеспечить себя приличной жилой площадью, но и получать некоторый доход с квартирантов.

Некоторая прослойка рабочих имела и коров, а привилегированная часть рабоних—даже выездных лошадей.

Значительный удельный вес „имущей" части рабочих Ижевска питал мелкобуржуазные наросты на идеологии рабочего класса. Помимо этого нужно подчеркнуть своеобразные условия на этих заводах и в отношении оплаты труда рабочих.

Самодержавие, имея в виду важное значение военных заводов, вело по отношению к их рабочим особую политику. Основные кадры рабочих Ижевских заводов по данным ведомостей на 1 мая 1910 г. получали: в замочной мастерской в среднем—70 коп., в инструментальной — 1 р. 28 к. в день. В остальных мастерских средняя оплата труда колебалась в пределах от 70 коп. до 1 р. 28 к. Во всяком случае средний размер месячного заработка основных кадров ижевских рабочих в 1910 г. составлял от 20 до 25 руб.

Если принять во внимание, что в 1913 г. средняя месячная зарплата рабочих по Петербургу составляла 34,7 руб. и по Москве—27,1 руб., то не придется доказывать,

что материальное положение квалифицированных рабочих Ижевских заводов в сравнении с другими рабочими России, учитывая более дешевые цены на рынке и наличие домашнего хозяйства, было лучше. Притом, это положение всегда улучшалось во время войны, так как Ижевские заводы должны были тогда работать более интенсивно. Уже о периоде русско-турецкой войны 1877—78 гг. авторы старой истории Ижевских заводов отзывались как о „золотом" периоде.

Несколько привилегированное положение рабочих Ижевских заводов сказывалось и на продолжительности рабочего дня. Никифоров в 1888 г. писал об этом:

„Оружейники работают с 7 час. утра до 12 час. пополудни, затем следует отдых в 2 часа, и работа, начинаясь в 2 часа, продолжается до 6 час., пополудни. Таким образом рабочий день определяется в 9 час., и рабочие имеют свободный вечер".

На других заводах того времени металлисты работали в среднем 11—12 час. в день. Это положение давало возможность части ижевских рабочих дополнительно поднимать свою зарплату за счет исполнения домашних работ, заказов для завода и выделки металлических вещей на рынок.

Однако не может быть и речи об общем благополучии всех рабочих Ижевских заводов. Царизм вел сознательную политику создания привилегированной рабочей верхушки.

По указу 1830 г. прослужившим беспорочно 25 лет назначается сверх обыкновенной заводской платы награда 3 классов: 1-я—150, 2-я — 100 и 3-я—50 руб. Через каждые 5 лет которые кто беспорочно прослужил сверх 25 лет, прибавляется ему пятая доля первоначальной награды". При проведении реформы указом 1866 г. положение о „заслуженных" было закреплено. Указ подчеркивал, что „всем ружейникам, мастеровым и непременным работникам, получившим уже пенсию или какие-либо пособия, а также и семействам их, оставлены." Эта политика велась самодержавием издавна и со временем все более углублялась, принимая новые усовершенствованные формы. „За „выслугу лет" рабочие получали повышение заработной платы и единовременные вознаграждения, за сознательную долголетнюю службу — медали, кафтаны и т. д., зачислялись пенсионерами. Все это вело к созданию кадра „унтеров" и „фельдфебелей" из рабочих, безусловно верных самодержавию. Это была прослойка рабочей аристократии, имевшая не только домик и корову, но и выездных лошадей, напоминающая со-

бой верхнюю прослойку американских рабочих с их автомобилями.

Таким образом перед империалистической войной в среде рабочих Ижевских заводов были налицо основные источники мелкобуржуазных влияний на пролетариат — связь с мелким хозяйством и наличие рабочей аристократии. Это налагало свой отпечаток на весь характер развития классовой борьбы рабочих Ижевских заводов, создавая оппортунистические настроения верхушки и эсеровские и анархические увлечения отдельных прослоек рабочих.

Политическая неразвитость рабочих и слабость в их среде революционного движения усугублялось общей отсталостью рабочих. Ижевск не только вдали от центра, но до самой войны не был связан с ним железной дорогой. От железно-дорожной магистрали Москва—Свердловск он отстоит на расстоянии 30 *км*, от пристани Гольяны на Каме — на 40 *км* и от бывшего уездного города Сарапула — на 60 *км*.

Самодержавие сознательно вело политику сдерживания культурного и политического развития рабочего класса в Ижевске. До самой революции в Ижевске было 4 начальных и две средних школы, клуб существовал только для начальства. Грамотность в Ижевске до самой революции составляла 32%

населения. Шло насаждение кабаков и церквей. Еще в 1862 г. было в Ижевске 4 кабака, в 1874 г. стало уже 88, а еще через 10 лет 1 кабак приходился уже на каждые 190 человек жителей[1].

Вместе с развитием виноторговли открывались притоны, а для борьбы с „безнравственностью" строились церкви. В период империалистической войны в Ижевске было 9 церквей, 30 кабаков, 40 пивных и 18 притонов, зарегистрированных в полиции.

Таким образом, ижевские рабочие вместо культуры втягивались в пьянство, долго хранили в своей среде старые варварские традиции (кулачные бои, поножовщину и проч.) и на этом много тратили революционной энергии рабочего класса. Только небольшой слой рабочих является передовым в культурном и политическом отношении.

Однако эта отсталость ижевских рабочих в сравнении с рабочим передовых центров еще не означает, что пролетариат Ижевска представлял собой в революционном отношении сплошь темное пятно. Наряду с обеспеченной частью рабочих на заводах были широкие слои чистых пролетариев, плохо оплачиваемых. По тем же ведомостям 1910 г. при мастерских значатся ученики с оплатой

[1] По неизданной рукописи Стрельцова.

в 31 коп. в день, „задельные“ с заработ
ком в 37 коп. и бесплатные ученики
В эти ведомости не включены приезжие ра
бочие, работавшие на вспомогательных ра
ботах, как то: на транспорте, по доставке
топлива и пр. Эта категория рабочих по
своему положению не имела ничего общего
с верхушкой высококвалифицированных ра
бочих и в противовес последней была весь
ма восприимчива к революционной „заразе“
По докладу делегата V с'езда Советов На
родному комиссару внутренних дел рабочих
группы „пролетариат“ в полном смысле
этого слова в Ижевске было 60%. Нельзя
ручаться за точность этой цифры, но она
безусловно близка к истине.

Таким образом социальная база для раз
вития революционного движения среди ижев
ских рабочих была, и при некотором отста
вании от передовых районов России рабочее
движение шло по пути последних. Впервые
среди рабочих Ижевских заводов социал-де
мократический кружок появился только в
1904 г. Кружок был очень малочислен, зани
мался исключительно пропагандистской рабо
той среди своих членов. В связи с событи
ями на Дальнем Востоке и общим под'емом
рабочего движения в России и на Ижевских
заводах создались благоприятные условия
для работы социал-демократов.

К лету 1905 г. социал-демократический кружок пополнился новыми приезжими работниками. Кружок проводит за городом в лесу ряд собраний с рабочими и ведет вербовку новых членов. Поражение царизма на Дальнем Востоке, сокращение работы Ижевских заводов, повлекшее за собой безработицу и ухудшение положения рабочих, наконец развернувшаяся политическая борьба пролетариата России дали сильнейший толчек ижевскому рабочему движению. В октябре 1905 года в связи с манифестом 17 октября состоялась первая массовая манифестация рабочих, в которой учавствовало до 10 тыс. человек. В том же 1905 г. была проведена первая всеобщая забастовка, давшая частичную победу рабочим.

В 1906 г. мы видим и первое крестьянское восстание против самодержавия в Удмуртии — в Мултане.

Мы выше отметили, что самодержавие жестоко угнетало удмуртов, татар и другие народности края. Под знаменем креста шел неприкрытый колониальный грабеж широких масс туземного населения. Для травли удмуртов, разжигания национальной розни и ослабления этим путем сопротивления трудящихся царизмом было спровоцировано „мултанское дело“ по обвинению удмуртов в человеческом жертвоприношении (1892 —

1896 гг.). Мултанское восстание в 1906 г. удмуртов и русских крестьян показало, что трудящиеся разных народностей закладывают прочный фундамент союза для общей борьбы с эксплоататорскими классами. В то же время деятельность революционных рабочих Ижевска в первой революции и даже в период реакции среди населения окружающих сельских местностей укрепила союз рабочего класса с основными массами крестьянства при гегемонии в классовой борьбе пролетариата.

Революционные массы, разбитые в 1905—1906 гг., не могли оказать активного сопротивления даже при всеобщей мобилизации, открывшей империалистическую войну, но революционная школа 1905—1906 гг. не прошла даром. Накапливались силы для нового революционного натиска. Тяготы, которые наложила война на плечи рабочих и крестьян, ускорили этот процесс.

Февральская революция

Война внесла много нового в положение ижевских рабочих и крестьян Удмуртии. Прежде всего сильно изменился состав рабочих Ижевских заводов. Количество рабочих выросло в два с лишним раза. Из воинских частей сюда было откомандировано

8447 бывших квалифицированных рабочих других заводов. Почти такое же количество рабочих составили крестьяне окрестных районов, оставленные при мобилизации для работы на Ижевских заводах. Таким образом в политическом отношении ижевский пролетариат на 25% усилился за счет притока рабочих, прошедших большую революционную школу на заводах центральной полосы России, части южных губерний и Урала. Наряду с этим в среду рабочих влилась большая струя крестьян из зажиточно-кулацкого слоя деревни, так как именно верхушка крестьянского населения находила в Ижевских заводах убежище от необходимости итти на фронт. Материальные возможности этих крестьян и практика протекции и взяток открывали им наибольший доступ на заводы. Понятно, что этот слой ижевского „пролетариата" не только был далек от революции, но и служил прямой опорой „порядка".

В положении рабочих точно также произошли большие сдвиги. Вместе с оставленными на учете коренными рабочими Ижевска на заводе оказалось военнообязанных до 24 тыс. Другими словами, абсолютное большинство рабочих на Ижевских заводах были военнообязанные. Это создавало почву для введения администрацией заводов настоящего военного режима. За ма-

лейшее нарушение „порядка" рабочим грозила отправка на фронт, полевой суд и пр. Самые мелкие проступки наказывались штрафами, выговорами, стоянкой „под ружьем" и пр. Увеличился рабочий день с 9 до 13 1/2 часов, включая сверхурочную 4 1/2 часовую работу. При устарелости оборудований заводов и отсутствии техники безопасности участились случаи увечий рабочих. Заработная плата не повышалась, а вздорожание продуктов систематически снижало жизненный уровень рабочих. Уже через год с небольшим, после начала войны, Глазовская уездная земская управа обращается к уездному земскому собранию с предложением ходатайствовать перед вышестоящими учреждениями об отпуске 50 тыс. рублей суды на борьбу с дороговизной.[1]

А в марте 1916 года в постановлении того же уездного собрания ярко звучит голос отчаяния, ибо дороговизна стала бичем не только широких масс, но и служащих земства. Для иллюстрации приведем выдержку этого постановления. Она гласит:

„Постепенное, в течение нескольких уже месяцев, вследствие военных обязательств, увеличение цен на все без исключения предметы потребления, не только на предметы первой необходимости, ставит ныне

[1] Ижархив, связка 155, дело Глазовск. уездной земской управы.

человека, живущего одним лишь жалованием в крайне тяжелое, критическое положение, ставит их в положение острой, невыносимой нужды, в особенности семейных людей, с детьми или родными, живущими их иждивением.

И в самом деле: как же жить ныне такому человеку, когда мясо продается сейчас уже 25 коп. фунт, картофель 1 рубль пуд, дрова 3 р. 20 к.—3 р. 50 к. воз, а квартирная сажень 12 — 14 руб., мука — крупчатка 4—5 руб. пуд, а мешок 20—25 рублей, когда на обувь и мануфактуру просят никогда не бывавшие еще цены, когда обучать и одевать детей (не говоря уже о себе) становится возможным только для лиц, получающих доход от 100 и выше рублей в месяц. Как жить при такой дороговизне? Как воспитывать детей, как помогать родным, как обуваться, одеваться и как жить в теплой квартире в зимнее время? Служащие в уездной земской управе, семейные люди, получающие необеспеченное содержание (60—80 руб.), переживают на себе весь ужас небывалой дороговизны, ограничивают себя во всем, силятся свести концы с концами и всетаки ничего из этого не выходит“ [1].

1 Иж. арх. связка 155. дело Глаз. уездн. земск. управления.

Ровно через год после такого описания экономического состояния Удмуртии, в феврале 1917 г. администрация Ижзаводов ввела снижение расценок, тогда как реальная зарплата рабочих составляла уже в это время 2/3 довоенной [2]. Глухой ропот среди рабочих усиливался. Накапливалось возмущение. Еще в сентябре 1916 года под руководством большевиков был организован комитет содействия рабочим. Комитет выпустил листовки с призывом организации борьбы против произвола заводской администрации. В связи с этой кампанией был организован институт старост, которые избирались по мастерским и отделам завода. Таким образом, под руководством большевиков организация для руководства стачкой была налицо. Когда произошло снижение расценок, в инструментальной мастерской группа рабочих бросила работу. Тогда институт старост предъявил заводоуправлению ряд требований. Управление заводами вместо удовлетворения требований рабочих отдало приказ о разгоне института старост. Последний стал собираться нелегально на частных квартирах и готовить всеобщую забастовку. 18 февраля стал весь завод. Представители меньшевиков были против этой забастовки. Один

[2] Лидак, 1917 г., стр. 9.

из них, Сосулин, по словам Короткова, предлагал работы не бросать, так как забастовка лишит фронт винтовок и поможет немцам побить русскую армию. Сосулин предлагал создать примирительную камеру из представителей рабочих и администрации и все вопросы передать на ее разрешение. Однако масса рабочих в большинстве оказалась на стороне большевиков. К тому же администрация в первое время не желала итти ни на какие уступки. Забастовка была в основном экономическая. К рабочим цехов примкнули и вспомогательные рабочие— лесорубы, привлеченные в качестве „непременных" работников для работы в лесу. Однако фронт забастовки дал трещины уже на 2 — 3 день. Прежде всего обнаружилась неустойчивость крестьянской части рабочих и верхушки основных кадров местных рабочих: они пошли по мастерам с об'яснениями. Меньшевики вели соглашательскую политику. Появилась дополнительная вооруженная сила у администрации. В результате всего этого забастовка была проиграна, и начались репрессии против революционных рабочих. В самый разгар этой расправы наступила Февральская революция и вновь подняла настроение масс для дальнейшей борьбы.

Империалистическая война больно удари-

ла и по крестьянству. Сильная убыль рабочих рук, сокращение посевных площадей, дороговизна на предметы первой необходимости, систематическая разверстка нарядов на доставку овса и других продуктов для армии чрезвычайно ухудшили материальное положение крестьянской массы. Особенно чувствительно удар пришелся по бедноте в связи с заготовками продуктов для армии, так как раскладка производилась по надельным душам. Самодержавие пыталось указами ввести голодную норму для трудящихся. В отношении Глазовской уездной земской управы волостным правлениям от 7 сентября 1916 г. мы читаем:

„Законом о мерах к сокращению потребления мяса населением, опубликованным 20 июня сего года в № 157 „Правительственного вестника", воспрещен убой и продажа мяса и мясных продуктов в городах и селениях в течение текущей войны по вторникам, средам, четвергам и пятницам каждой недели, причем определение еженедельного скота, подлежащего к убою в уезде, возложено на земское собрание" [1].

[1] Ижархив, связка 155, дело Глазовского уездного земского управления.

Тяжесть материального положения крестьян усугублялась несением всевозможных повинностей. За 200—300 *км* в окружности Ижевских заводов крестьянство было мобилизовано для работы в лесу. Крепостная повинность „чепременных" работ была восстановлена. Местами на лесные заводские работы мибилизовалось все население в возрасте от 12 до 60 лет. Бремя военных повинностей вызвало острое недовольство крестьян. Крестьяне пытаются уклониться от выполнения нарядов по доставке фуража и довольствия. Это в свою очередь вызывает все более грозные распоряжения власти. В циркуляре Вятского губернатора от 28 апреля 1915 г. земским начальникам говорится:

„Всякая вялость, всякое промедление, всякое уклонение должно считаться в нашей борьбе с нуждой армии в овсе грехом перед богом, преступлением перед государством, позором перед родиной. Принять все меры к тому, чтобы имеющиеся запасы необмолоченного овса были обмолочены для продажи" [1].

Каждому ясно, что о „продаже" было прибавлено только для прикрытия существа —

[1] Иж. арх., дело земского начальника 1-го участка Глазовского уезда за 1915 год.

реквизиции припасов по установленным государственным ценам.

Наряду с попытками уклонения от выполнения нарядов по доставке продовольствия и фуража начинается массовый отказ от несения заводской повинности. По Ухтымской волости, Глазовского уезда, при выборе доверенного от возчиков „крестьяне на сходе выбрать доверенного отказались и заявили, что они доверенного избирать не будут и возить дрова не поедут совсем". Такими фактами пестрят все донесения волостных правлений земским начальникам. Фронтовики, прибывающие на побывки, поговаривают о том, что, вернувшись с фронта, они расправятся с теми, кто чинит насилия.

Таким образом к моменту Февральской революции и в деревнях Удмуртии шло сильное брожение. Возмущение поднималось не только против царских чиновников, но и против верхушки деревни, которая благодаря деньгам сумела избежать отправки на фронт, извлекала выгоды из заказов „военно-промышленного комитета" и в тоже время усиливала эксплоатацию своих односельчан. Это создавало почву для развертывания классовой борьбы крестьянской массы против кулачества. В таком состоянии встретила Удмуртия Февральскую революцию.

„Период революционной мобилизации масс"

(май-август)

Известие о падении самодержавия было встречено трудящимися с большим под'емом. Началась кипучая политическая деятельность большевиков среди рабочих, поднималась с каждым днем все выше революционная раскачка в деревне. Массы ждали от революции мира, свободы, земли и восстановления народного хозяйства. Однако буржуазия, захватившая власть в свои руки не могла и не хотела удовлетворить требования рабочих и крестьян. Буржуазия была тысячами нитей связана с крепостниками внутри России и с международным капиталом. Поэтому временное правительство не только не шло на сколько нибудь полное удовлетворение требований рабочих, но даже чисто буржуазные мероприятия проводило с большой оглядкой. Ряд крепостнических остатков в стране сохранилось и после революции, а Временное правительство боролось за их неприкосновенность.

Массы с первых дней революции были в плену иллюзий „добросовестного оборончества" и доверяли Временному правительству и соглашательским партиям эсеров и мень-

шевиков. Однако опыт господства буржуазии и ее „социалистических" лакеев постепенно прояснял политическое сознание масс рабочих и крестьян. Все больше росло влияние на массы революционного ядра пролетариата во главе с большевистской партией. Процесс перехода масс под знамя большевистских требований вплоть до свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата являлся процессом перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Во главе этого исторического движения шел революционный класс — пролетариат, а за ним и под его руководством шло к революции беднейшее трудовое крестьянство. В центре процесс перерастания шел значительно быстрее, чем на окраинах. Удмуртия была одним из районов, не слишком далеко отставших от центра. Постараемся проследить процесс перерастания в этом районе.

Наиболее яркими показателями процесса перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую являются: рост партии, высвобождение крестьянских масс из под влияния соглашательских партий, борьба против аппарата буржуазной государственной машины, борьба партии за влияние в советах, подготовка восстания и захват власти рабочим классом.

Прежде всего о росте партии. В момент февральского переворота большевистская организация в Ижевске была разгромлена. Под арестом и отправленными на фронт оказались после февральской забастовки прежде всего наиболее активные, революционные рабочие во главе с большевиками. Слабость партийной организации не дала возможности охватить и направить по революционному руслу энтузиазм масс в первые дни революции. Меньшевики не подверглись такому разгрому, как большевики. Они и заняли руководящее положение в революционных организациях. Второе место после меньшевиков заняли эсеры. Большевикам предстояло начинать работу почти заново. „Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (ее большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью" (Сталин). Это положение в сочетании с слабостью Ижевской организации и после арестов привели к организационному об'единению большевиков с меньшевиками в марте 1917 г. Впрочем об'единение это было проведено лишь в формально-организационном отношении и ни в какой мере не отразилось на основном направлении политической деятельности большевистской группы. Различие в политических требованиях и тактике большевиков и меньшевиков ярко бросается в

глаза и в этот момент. Большевистской части организации нужно было еще некоторое время для того, чтобы разоблачить перед массами предательство меньшевиков, показать рабочим разницу между большевиками и меньшевиками, завоевать их на свою сторону, организационно оформиться, укрепиться в качестве самостоятельной партии и затем двинуться в быстром наступательном движении революции во главе широких масс.

На собрании социал-демократов 12 марта присутствовало 60 человек. Избранными в состав комитета оказались 7 большевиков. Однако это не значит, что большевистское влияние среди социал-демократов было абсолютно преобладающим. Дело в том что, на это собрание большинство меньшевиков во главе с руководителями не явилось. К тому же даже в революционной части организации не для всех была ясна необходимость самостоятельной работы большевиков. При голосовании предложения И. Пастухова об отделении большевиков от меньшевиков собрание большинством голосов решило иметь общий комитет. Это был, как называет т. Сталин, первый период подготовки Октября, „период новой ориентировки партии (март — апрель)“, характерной чертой которой „является тот факт, что существуют рядом вместе, в одно и то же время и дик-

татура буржуазии и диктатура пролетариата и крестьянства, при чем последняя доверчиво относится к первой, верит в ее мирные стремления, добровольно отдает власть буржуазии и превращает себя, таким образом, в ее придаток. Серьезных конфликтов между двумя диктатурами еще нет. Но есть зато „контактная комиссия“ (Сталин). Отдельные члены партии в этот период отражают в себе иллюзию „добросовестного оборончества“ масс.

В таком положении дело долго оставаться не могло. Работа в массах по основным политическим вопросам столкнула большевиков с меньшевиками в упор. Большевистский комитет по своему составу для меньшевиков, конечно, был неприемлем, поэтому первым их требованием было переизбрать партийный комитет. В начале апреля комитет был переизбран и в него вошли три меньшевика. Так продолжалось до мая. С мая месяца начинается второй период подготовки Октября, „период революционной мобилизации масс (май-август)“ (Сталин). Партийная организация имела в своих руках к этому времени уже апрельские тезисы тов. Ленина и материалы апрельской конференции. В майской листовке большевики четко изложили свои взгляды на основные вопросы текущего момента: о войне

и мире, о земле, об отношении к буржуазной власти, о рабочем дне, капитале и т. д. В заключение поместили письмо Ленина к крестьянам. Тогда со стороны меньшевиков началась бешеная атака большевистской платформы.

Партийный комитет для обсуждения этой платформы созвал общегородское собрание членов социал-демократической организации. В это время в Ижевске было социал-демократов уже около 3 тыс.[1] При голосовании резолюции за большевиков подали всего 12 голосов, за меньшевиков около 50% собрания. Большевики видели, что воздержавшаяся часть собрания колеблется, однако для них было ясно, что эта часть в дальнейшем в основной своей массе пойдет за большевиками. Нужно было только еще некоторое время, чтобы колеблющимся стала ясна предательская политика меньшевиков. 12 чел. твердо заявили о выходе из об'единенной организации социал-демократии. Большевики в своих расчетах не ошиблись. Начался быстрый рост партийной организации, а вместе с этим усиливалось и влияние большевиков на массы. Уже в июле большевики насчитывали в своих рядах около 600 чел., и Ижевская организация послала одного деле-

[1] Сергеев, „Ижевск в огне гражданской войны."

гата на VI с'езд партии,[1] а в первых числах октября, к моменту созыва Вятской губернской партийнной конференции, состав большевистской организации Ижевска вырос уже до 749 человек[2]. Между тем в рядах соглашателей в это время шло разложение: раскололись эсеры на правых и левых и от меньшевиков откололись интернационалисты.

Одновременно с ростом партии большевиков и усилением ее влияния в массах происходит борьба организации за советы. В первый период после Февральской революции абсолютное большинство в советах принадлежало соглашательским партиям и примыкавшим к ним беспартийным. В мае и в июне месяцах партия проводит широкую кампанию в массах за перевыборы советов. Предложение большевиков встречает широкий отклик в массах рабочих. Рабочие молотовой мастерской выносят 19 июня[3] 1918 г. такую резолюцию:

„Против резолюции совета Рабочих и Крестьянских депутатов от 20 июня с. г. мы протестуем, потому что не было

---

[1] Дрокин. Иж. архив, воспомин. старых большевиков.

[2] Октябрь и Гражданская война в Вят. губ., стр 78—79.

[3] Дата „19 июня" — опечатка, должно быть несколько позже.

принято предложение о вынесении недоверия Временному правительству! Долой диктатуру буржуазии! Долой смертную казнь! Эту поправку просим проголосовать по всем мастерским Ижевских заводов, а также поддерживаем свои прежние постановления о перевыборах исполнительного комитета и совета рабочих и крестьянских депутатов[1]".

Несмотря на поддержку рабочих, предложение большевиков в перевыборах было отклонено советом, в котором большинство все еще принадлежало соглашателям. Тогда большевики повели кампанию за отзыв мастерскими своих депутатов из совета и посылку взамен их революционных рабочих. В этом вопросе большевиков поддержали максималисты. В результате кампании большевики, левые эсеры и сочувствующие левым беспартийные в сентябре уже составляли большинство в составе совета.

Партия, об'единяя массы вокруг своих лозунгов, ведет с самой Февральской революции непримиримую борьбу с политикой Временного правительства и его органов на месте, выбрасывает из правительственных органов наиболее ярых контрреволюцио-

---

[1] Сергеев, „Ижевск в огне гражданской войны" стр. 18.

неров, мобилизует вокруг этой борьбы массы, организует и вооружает их с тем, чтобы сбросить диктатуру буржуазии. Прежде всего идет чистка первого состава совета. С благословения меньшевиков и эсеров в первый состав совета попали представители администрации Ижевских заводов, царские офицеры и чиновники, руководившие только за несколько дней до того расправой над рабочими в связи с февральской забастовкой. Царского пристава в качестве организатора и начальника милиции в Ижевске сменил торговец Афанасьев. На местах остались представители старой администрации, военные чины. Начало чистки от всего этого „хлама" царизма было положено чисткой администрации заводов. 13 марта по постановлению рабочих были арестованы: полковники Волынцевич, Тарновский и Халютин, ряд офицеров, и по мастерским отстранены 9 мастеров, 10 надзирателей и надсмотрщиков. Чистка продолжалась и позже. С прибытием обратно из тюрьмы и ссылки на фронт наиболее революционного ядра рабочих, большевики добиваются чистки совета от представителей заводской администрации и устранения от должности начальника милиции Афанасьева. Новым комиссаром милиции был назначен беспартийный юрист Смирнов, а помощником к не-

му — два большевика. Это была первая самая крупная победа большевиков. Иметь двух большевиков во главе милиции, состоящей из рабочих, значило иметь уже готовую вооруженную опору для революционной деятельности советов. Это наконец облегчало в будущем захват власти советами.

Рабочий класс Ижевска закрепляет победу, распространяя свое влияние на рабочих и крестьян окружающих районов. Крестьянство, ожидавшее от революции мира, земли и свободы, их не получило. Вместо быстрого разрешения этих жгучих, неотложных вопросов крестьянам преподносили обещание созыва в неопределенном будущем Учредительного собрания. Тогда крестьяне перешли к разрешению этих вопросов сами. Солдаты массами дезертируют из армии, начинаются самовольные порубки лесов и захваты земель. При этом характерным для края было то, что частновладельческая пашня принадлежала здесь не помещикам, а главным образом хуторянам и отрубникам. Поэтому первые же захваты земель оказались направленными против буржуазии. Громились здесь также не столько помещичьи имения, сколько склады и магазины местных владельцев, предприятий и торговцев. Таким образом, предпосылки для перерастания буржуазно-

демократической революции в пролетарскую ярко сказались на первых же этапах революции после Февраля. Свое отношение к буржуазной власти крестьянство выражало отказом от выполнения распоряжений Временного правительства. Начиная с весны, возникают крестьянские волнения и самовольные захваты и запашки земель отрубчиков, и властям приходится употреблять немало усилий „для прекращения самоуправных действий".

Однако наибольший размах крестьянского движения в крае был связан с выкачкой Временным правительством продовольствия. В донесении от 22 апреля читаем:

Население Юринской волости, Сарапульского уезда, препятствует описи хлеба и организации волостного земства. Отправка в волость роты солдат вызвала массовые выступления крестьян, а расквартированный в Сарапуле полк в связи с этим устроил митинг, арестовал командира полка и уездного комиссара и, продержав их ночь, потребовал отмены посылки солдат. В Юрино отправлены полком вооруженные делегаты с целью следить за действиями солдат, офицера роты и начальника милиции. В настоящее время удалось склонить полк к передаче всех вопросов на рассмотрение совета Солдатских и Ра-

бочих депутатов совместно с делегатами митинга. Для прекращения же беспорядков в Юринской волости штабом Казанского военного округа, согласно просьбе губернского комиссара, срочно командирована донская сотня из Екатеринбурга.[1]

Это был не единичный случай, а массовое явление.

В протоколе совещания уездных комиссаров Временного правительства по Вятской губернии от 24 июля мы читаем: Ф. Г. Куимов указывает, что хлебная монополия роет яму для всех. Вооруженная сила, по его мнению, не поможет, ибо крестьяне давно уже заявили ему, что будут защищать свое право на хлеб с топорами и вилами в руках[2].

Партия использует крестьянское движение как резерв нарастающей пролетарской революции и принимает меры к пролетарскому влиянию на это.

В средине июня месяца по инициативе Ижевского совета Рабочих депутатов созывается в городе Сарапуле окружной с'езд советов Прикамья с представителями Ижевска, Воткинска, Сарапула и Елабуги[3];

---

[1] „Крестьянское движение 1917 г.“ издание АОР, стр. 250.

[2] АОР, др. 398/i, дело 21, 1917 г.

[3] По воспоминанию т. Дрокина, Ижархив, рукописи воспоминаний старых коммунаров

20 июля 1917 г. на совместном заседании советов Рабочих и Солдатских депутатов и советов Крестьянских депутатов выносится решение об органической связи пролетарского и крестьянского движения и ведущей роли пролетариата в этом движении:

„Ввиду приближающихся выборов в Учредительное собрание и необходимости организации крестьян на местах"[1], а также имея ввиду политическую мощь советов-когда в одно сольются сильные революцинные организации рабочих, крестьян и солдат — слияние признать необходимым"

Так шаг за шагом ижевские рабочие принимают меры, к завоеванию широких масс крестьянства на свою сторону.

Однако, еще в июле мес. 1917 года нельзя сказать, что массы были готовы к пролетарской революции.

„1) Наиболее опасной социальной опорой врагов революции, в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии. 2) Свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий. 3) Главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду этого, на-

[1]) Известия Иж. Сов. р. и кр. депутатов, газета хранится в Иж. архиве, место даты оборвано.

правлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся". (Сталин.)

Этот процесс отрыва масс из под влияния соглашательских партий в подготовке Октября имеет свои даты, когда партия давала наиболее чувствительные толчки своей тактикой.

Тов. Сталин отмечает следующие основные факты второго периода подготовки Октябрьской революции, использованные партией в тактике: „апрельская демонстрация против Временного правительства, заявившего „союзным" державам о готовности продолжать войну; первомайская демонстрация с требованием демократического мира; июньская демонстрация в Ленинграде под лозунгом „долой министров, капиталистов"; июльское наступление на фронте и неудачи русской армии; июльская вооруженная демонстрация в Ленинграде; уход министров-кадетов с фронта; привод с фронта контрреволюционных войск; разгром редакции „Правды„, борьба контрреволюции с советами и образование нового коалиционного правительства во главе с Керенским; VI с'езд партии, давший лозунг вооруженное восстания; контрреволюционное государственное совещание и общая забастовка в в Москве; неудачное наступление Корнило-

ва на Ленинград; оживление советов; отставка кадетов и образование „Директории".

Эти даты, относящиеся к центру России, являлись датами второго периода подготовки Октября и для Удмуртии, только с очень небольшой задержкой. На всякое политическое событие в центре массы в Ижевске быстро реагировали: волны революционной бури поднимались здесь как раз в такт с событиями в центре. Наконец местная партийная организация работала под руководством центрального комитета.

В условиях Удмуртии партия на конкретных требованиях шаг за шагом вскрывает империалистическое лицо Временного правительства и предательство соглашательских партий. Однако иллюзии масс о соглашателях, при симпатии к большевикам в их боевых революционных требованиях, продолжают еще держаться в июле. На заседании совета Раб. Сол. и Крест. депутатов от 20 июля выносится резолюция:

„Исполнительный комитет Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, обсудив кровавые выступления в Петрограде 4 июля, считают их явно дезорганизующими всю волю и всю власть трудовой демократии, угрожающими свободе, революции и благу родины, дающими

силу лишь проявлению темных контрреволюционных сил, а потому постановил: итти лишь на голос и зов трудовой демократии и согласованный с ними призыв Временного правительства, в лице его министров, социалистов и призыв исполнительных комитетов Всероссийского Совета Крестьянских депутатов и Совет Рабочих и Солдатских депутатов.

Исполнительные комитеты Совета Раб. и Солд. депутатов, с советом Крестьян. депутатов категорически настаивая на немедленном разгроме гнезда просыпающейся контрреволюции государственного совета и Государственной Думы, крепко стоять на едином спасительном пути, пути об'единения всей трудовой крестьянской, рабочей и солдатской сил для совместного мирного достижения Учредительного собрания. Учреждение на Руси свободной демократической республики, разрешением законодательным путем через Учредительное собрание земельного вопроса на основе великого лозунга: „Вся земля трудовому народу без выкупа и вознаграждения, для рабочих восьмичасовой рабочий день", планомерное достижение перехода всей промышленности в руки трудового народа и „достижение мира с согласия трудовой демократии всего мира

без анексий и контрибуций при свободном самоопределении народностей"[1].

Нельзя сказать, что эта резолюция, принятая при большинстве состава совета из соглашателей является по содержанию выражением политики соглашательских партий. Требования разгона государственного совета, думы, национализации земли, восьмичасового рабочего дня, перехода в руки трудового народа всей промышленности и мира без анексий и контрибуций, при свободном самоопределении народностей являются требованиями большевистской партии и приняты безусловно советом под давлением масс. Осуждение выступления июльских дней — это дань иллюзии создания единого социалистического фронта или как выражается резолюция: „крепко стоять на страже в едином спасательном пути, пути об'единения всей трудовой крестьянской, рабочей и солдатской сил, для совместного мирного достижения Учредительного собрания".

Между тем, дальнейший ход событий дает новые революционные уроки массам, приход с фронта контрреволюционных войск, разгром редакции „Правда," гонение на большевистскую партию, наступление контрре-

[1] „Известия Иж. Севета Рабочих и Кр. депут", дата газеты оборвана, относятся к концу июля.

волюции, выступление Корнилова — раскрывают массам глаза, что соглашения между социалистическими партиями не может быть, что „раскольнический“ путь большевиков в противовес соглашателям является единственно верным, революционным путем. Уже в „Известиях Ижевского совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов“ от 7 сентября читаем о войне и мире и о текущем политическом моменте большевистские резолюции совета. Первая принята 76 голосами против 38 и 6 воздержавшихся, вторая — за 73, при 41 голосе против и 6 воздержавшихся. Приводим эти резолюции полностью, как наиболее характерные документы для сравнения с резолюцией по июльским события.

„1) Война и созданный войною внутренний кризис послужили толчком к русской революции и потому ликвидация войны явилась первой главной задачей революционных рабочих и солдат, вооруженной рукой свергнувших царское правительство.

2) Представители имущих классов, в руки которых попала власть после революции, все свои силы направили на то, чтобы подавить настроения русского народа к миру.

3) Руководители демократии (партии со-

ветского большинства) не захотели понять, что единственный путь к миру лежит через свержение буржуазного правительства и история 6 месяцев революции есть история неудачных попыток этих партий столковаться с буржуазией и постепенных уступок ей во всех областях внутренней и внешней политики, и особенно в области борьбы за мир.

4) Политика нынешнего русского правительства, правительства контрреволюционной диктатуры, не желающего посягнуть на захватнические договоры с союзными империалистами, организующего наступление русских войск и осыпающего градом репрессий всех противников войны, является главным препятствием к окончанию войны, так как эта политика, с одной стороны — ослабляет силы русской революции, а с другой — укрепляет гражданский мир между рабочими и буржуазией центральных держав, давший было сильную трещину под первыми ударами русской революции.

5) Такую же роль в затягивании войны играют правительства всех других воюющих вместе с Россией и против России стран.

6) Пока власть находится в руках этих правительств, мир возможен или в резуль-

тате долгой войны до победного конца, или в результате сговора империалистической буржуазии воюющих стран.

В обоих случаях этот мир будет сопровождаться сохранением капиталистического рабства и послужит лишь кратковременным прологом к новой империалистической войне.

7) Действительно демократический мир без аннексий и контрибуций с предоставлением всем народам свободно самоопределиться может быть заключен только против воли всех (не исключая и русскую буржуазию) империалистических правительств. Поэтому единственным путем к демократическому миру является завоевание во всех воюющих странах власти рабочими, а в России рабочими и беднейшими крестьянами.

8) Только такое правительство той из воюющих стран, в которой раньше произойдет революция, пользующаяся полным доверием народа, обладающее всей полнотой государственной власти, порвет с капиталистами всех стран, призовет демократию этих стран к восстанию против своих правительств и немедленному заключению мира.

9) Этот призыв революционного пролетарского крестьянского правительства, при-

шедшего к власти путем вызванной войной революции, встретит полное доверие пролетариев и полупролетариев других стран, и результатом его будет превращение международной империалистической войны во всемирную гражданскую войну против империалистов всех стран, которая принесет народам и мир, и свободу от капиталистического рабства".

Вторая:

„1) История русской революции за истекшие 6 мес. представляет собою вполне завершенный круг от полного фактического народовластия к полной контрреволюционной диктатуре.

Политика соглашетельства руководящих партий в советах Рабочих и Солдатских депутатов (оборонцев) дискредитирована в глазах широких масс. Органы революционной демократии привели в настоящий момент к господству контрреволюционной буржуазии, опирающейся на верхи командного состава.

2) До июльских событий фактическое соотношение сил в стране было таково, что переход всей власти в руки революционной демократии могло произойти мирным и безболезненным путем. Момент этот прошел. Контрреволюционная буржуазия окончательно утвердилась у власти. Она

упирается не только на верхи командного состава, но и на несознательные слои народа, и без новой решительной схватки буржуазия власти из рук не выпустит.

3) Таким образом задача настоящего момента заключается в решительной борьбе с контрреволюционной диктатурой и в завоевании государственной власти рабочими и беднейшими крестьянами.

4) Успех этой задачи зависит от того, насколько скоро широкие народные массы, вовлеченные в империалистическую политику своих вождей оборонцев, разочаруются в политике соглашательства с буржуазией. Тогда задача пролетариата и беднейшего крестьянства заключается в напряжении всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом других стран к миру и социалистическому перевороту.

5) Потеряв в настоящий момент знамена государственной власти в центре, советы Рабочих, Солдатских и Крест. депутатов на местах сохранили значение революционных органов, поэтому они должны, организуя вкруг себя широкие массы, всеми мерами охранять завоевание революции и

быть готовыми к моменту, когда новый революционный под'ем поставит их снова во главе революции".

Комментарии к резолюциям излишни. Они являются показателем целого скачка от июльской резолюции, страдающей „иллюзией" единого фронта социалистических партий к чисто большевистским требованиям.

Так, во втором периоде подготовки Октября происходит „обострение кризиса и нарушение того неустойчивого равновесия между Советами и Временным правительством, которое, — плохо ли, хорошо ли, — существовало в предыдущий период. Двоевластие стало нетерпимым для обоих сторон. Хрупкое здание „контактной комисси" доживает последние дни. „Кризис власти" и „министерская чехарда" являлись тогда самыми модными словечками момента. Кризис на фронте и разруха в тылу делают свое дело, усиливая крайние фланги и сжимая с двух сторон соглашателей — оборонцев. Революция мобилизуется, вызывая мобилизацию контрреволюции. Контрреволюция, в свою очередь, подстегивает революцию, вызывая новые волны революционного прилива. Вопрос о переходе власти к новому классу становится очередным вопросом дня" (Сталин).

„Период организации штурма".

(сентябрь-октябрь)

Выступление Корнилова, беспреспективность в отношении ожидаемых „мира, земли и свободы", усиление реакции при Директории — все это толкало массы на дальнейшее полевение. Отсюда происходит массовый переход на сторону большевиков не только в среде рабочих, но и крестьян.

Наряду с сопротивлением властям в выкачке хлеба перед Октябрьским переворотом проходит ряд погромов в Глазове, Елабуге, Ижевске и др., где приезжее крестьянство и солдаты местных частей (те же крестьяне в шинелях) громят купеческие склады и магазины. Воинские части становятся окончательно ненадежными.

Деревня жила под влиянием событий в центре и связывалась с местной рабочей организацией. Она признавала в революционном движении первенство пролетариата и на него надеялась. В качестве иллюстрации этого приведем документ, относящийся к началу октября 1917 г. В селении Лудорвае небольшая воинская часть не смогла выкачать хлеб, и при отъезде в Сарапул солдаты заявили, что обратно из Сарапула вернутся с ружьями, чтоб заставить крестьян молотить

хлеб. На это крестьяне ответили: „Не больно стращай, мы и сами достанем на 500 чел. ружья из Ижевского завода, а молотить хлеб не станем и вам не дадим". [1]

Это влияние Ижевского пролетариата среди крестьян после Февральской революции непрерывно усиливается. Требование партией большевиков безотлагательного разрешения земельного вопроса, вопроса о войне и мире, установления действительной свободы для трудящихся и восстановления народного хозяйства заметно увеличивает среди трудовых слоев крестьян сочувствие и доверие к большевистской партии. Ижевский пролетариат напрягает все усилия к созданию во всем Прикамье такой благоприятной политической обстановки, какая была перед Октябрьской революцией в самом Ижевске. В середине октября ижевские большевики добиваются созыва 2-й Прикамской конференции в Сарапуле, где присутствовало 22 делегатаот Ижевского совета, из них 18 чел. были большевики, 4 остальных по основным политическим вопросам поддерживали большевиков. От остальных районов было большинство представители соглашательских партий. Все же большинство и руководящая роль были обеспечены за ижевскими большевиками

[1] Газ. „Кама", № 11, окт. (917 г. Сарапул).

Здесь конференция вынесла постановления: 1) о признании Временного правительства органом помещиков и капиталистов, 2) о необходимости решительных мер к устранению надвигающегося голода, 3) об установлении контроля над производством и частичной экспроприации капиталистов, 4) о конфискации всех видов земельной собственности и передаче земли в руки советов крестьянских депутатов или другого органа, действительно демократического, крестьянского, независимого от буржуазно помещичьего управления, для распределения среди трудовых масс крестьянства, 5) о немедленном мире без анексий и контрибуций на основе самоопределения народов, 6) о признании предпарламента, созываемого в Питере, маневром буржуазии против революции. В заключение этих требований выносится постановление:

„Все более обостряющаяся разруха продовольственная в стране и безнаказанность саботажа предпринимателей настойчиво требуют создания правительства, которое обеспечит власть народа, раскроет путь к завоению мира, земли и свободы. Признать необходимым созыв Всероссийского с'езда советов для решения вопроса государственной власти“ [1].

[1] Ижевский архив воспомин. старых б-ков, ст. Галанова о 2-й юго-камской конференции советов.

Одновременно со средними и южными районами Удмуртии идет успешная политическая работа партии большевиков на севере. Партийная организация Глазова в условиях полулегальности устанавливает связи с крестьянством и железнодорожными рабочими. Успех партии в завоевании масс и на севере Удмуртии перед Октябрьской революцией были на лицо.

Когда началась реакция после июльских событий, Глазовская организация подготовила из солдат 32 человека агитаторов и направила их в окружающие ройоны. Из Свердловска достали литературу и распространяли среди населения[1]. Насколько успешно шла работа большевиков в Глазове видно из того, что II-й уездный с'езд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, собравшийся в Глазове 19 сентября 1917 года, вынес постановление о необходимости передачи власти советам. По словам делегата из Глазова на 1 губернском с'езде советов в Кирове (Вятке) „все население требовало народной власти на местах и в губернии"[2]

Вообще крестьянские с'езды уездов, губернские и прикамские конференции в де-

1 Сведения из воспоминания Конышева, Ижархив, дело 897, листы 225—230.

2 „Октябрь и гражданская война в Вятск. губернии", ст. Городилова, „Октябрь в уездах".

ле революционной подготовки к Октябрю сыграли колоссальную роль в крае. Они прежде всего оказали организующее влияние на крестьянство. Несмотря на то, что после Февральской революции господство на с'ездах было соглашательских партий, главным образом эсеров, на с'ездах выявлялись подлинные настроения революдионного крестьянства. В числе губернских с'ездов, перечисленных Гайсинским, где в первые месяцы Февральской революции выносили решения о немедленном урегулировании земельного вопроса, не дожидаясь Учредительного собрания, отмечается и Вятская губерния [1]. Такое решение губернского с'езда мобилизовало массы крестьян на борьбу за разрешение земельного вопроса, а меры противодействия этому властей вырабатывало в массах крестьян все более отрицательное отношение к Временному правительству и недоверие к соглашательским партиям, поддерживавшим политику временного правительства. Эти с'езды являлись одной из лучших трибун, где партия раскрывала перед массами свою политическую программу. Если на первых с'ездах большевики еще не имели достаточного влияния, то ко второму концентру

1 Гайсинский „Борьба б-ков за крестьянство в 1917 г." стр. 17.

с'ездов партия завоевывает большинство голосов.

Таким образом, в городах и деревнях Удмуртии к моменту Октябрьской революции почва для установления диктатуры пролетариата была подготовлена.

„Характерной чертой этого периода нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся на сторону большевиков" (Сталин).

Усиленно велась подготовка вооруженной силы для штурма капитализма. В Ижевске была организована из рабочих боевая дружина, переименованная в октябре в Красную гвардию. В сентябре Исполнительный комитет, где руководящую роль играли в то время уже большевики, вынес постановление об отпуске из завода „500 штук винтовок, 75 тыс. патронов, 50 револьверов" для вооружения боевой дружины. Начальник завода отказал и обратился за помощью в ГАУ. Однако, пока начальник завода ожидал ответа, рабочие, при поддержке местного гарнизона, вооружились. Энергичная работа большевиков среди солдат местного гарнизона дала прекрасные результаты. Подковник Борисов — начальник заводов — был Советом привлечен к судебной ответственно-

сти за отказ в требовании советов. Суд присудил Борисова к году заключения. Таким образом к концу сентября в Ижевске власть должна была считаться с массой рабочих, имеющих солидную вооруженную опору.

Однако, эта вооруженная сила во главе с Советом, если и могла уже оказывать давление на правительственные органы власти вплоть до привлечения к судебной ответственности начальника заводов, власть оставалась в руках буржуазии. Переворот произошел только 27 октября, когда пролетариат получил известие об Октябрьской революции в центре. В Ижевске 27 октября, по старому стилю, на заседании Совета, созванном в связи с переворотом, за большевистскую резолюцию голосовало 92 депутата, за резолюцию меньшевиков и эсеров — 58 депутатов, за крестьянскую — 11 и воздержалась от голосования солдатская секция — 8 чел. Крестьянская и солдатская секции на вечернем заседании совета об'явили о присоединении своих голосов к большевикам. Вопреки предсказаниям меньшевиков о неизбежности гибели диктатуры пролетариата из-за реакционности крестьянства, крестьянская секция в своей резолюции пишет:

Организующиеся силы буржуазной и помещичьей контрреволюции, прикрываясь

Е. А.

знаменем временного правительства противодействуют переходу всей земли в руки трудящегося крестьянства, охраняя прибыли помещиков и капиталистов. Временное правительство неспособно принять какие либо меры в области хозяйственной— контроль над производством, распределением и т. д. Исходя из этого, Ижевский Совет поддерживает борьбу петроградского пролетариата за власть и в свою очередь об'являет войну капиталу. Мы, крестьяне, все, как один встанем на защиту власти пролетариата и постановляем немедленный разрыв с политикой доверия Временному правительству и считаем его низложенным[1]".

28 октября проводится в Ижевске массовая демонстрация. Рабочие настолько горячо откликнулись на переворот, что при всей солидности своих сил соглашательские партии в эти дни совершенно незаметны. Совет организует аппарат управления, переходит к разрешению экономических вопросов и к экспроприации крупных капиталов, находящихся в банке, а потом и частных предприятий.

По установлении советской власти в Ижев-

---

1 Сергеев, Ижевск в огне гражданской войны, стр. 24.

ске партия большевиков борется за установление диктатуры пролетариата в городе и в окружающих районах проводит в жизнь ряд социалистических мероприятий. Исполнительный комитет берет в свои руки склады оружия, находящиеся до сих пор в распоряжении заводской администрации, а 20 ноября в основные звенья заводоуправления и в мастерские назначаются для контроля комиссары. Таким образом, в первый же месяц был установлен рабочий контроль над управлением заводов.

Однако шаги, предпринятые Советом, встретили сейчас же противодействие со стороны заводской администрации. Начались конфликты между администрацией и рабочими организациями. Бывшие чиновники повели организованный саботаж, производительность труда на заводе упала. В таком положении производство находилось до января 1918 г. В январе на заседании общезаводского комитета была вынесена резолюция:

„Общезаводский комитет, принимая во внимание необходимость определенного сосредоточения власти в одних руках и сознавая всю серьезность ответственности за последствия своих распоряжений, постановил: взять на себя полную роль распорядителя на Ижевских заводах и всю ответственность за таковую, о чем поставить

в известность начальника завода и администрацию“ [1].

Постановление общезаводского комитета было санкционировано Советом и проведено в жизнь. Администрация заводов возбудила ходатайство об отмене постановления общезаводского комитета перед главным артиллерийским управлением, мотивируя свой протест неизбежностью подрыва производства. Главное артиллерийское управление вызвало для об‘яснений нового председателя заводоуправления и предложило ему передать управление заводами прежнему составу администрации. Рабочим Ижевска была подана телеграмма, в которой они предупреждались, что в случае невыполнения распоряжения ГАУ завод не будет получать средств.

19 апреля на об‘единенном заседании общезаводского комитета обсуждался вопрос о положении заводов. В прениях отмечалось, что за короткое время рабочего управления производительность труда вопреки всяким пессимистическим предсказаниям старой администрации заводов повысилась с 50% выполнения программы до 70 %. Об‘единенное заседание вынесло категорическое постановление о том, что ломка новой системы уп-

[1] Выдержка взята из брошюры Сергеева.

равления заводами, которая вполне оправдала себя на практике в тяжелых условиях разрухи, унаследованной от старой дирекции, недопустима и грозит окончательно разрушить заводы.

Одновременно с захватом рабочими управления Ижевскими заводами тоже самое было проделано в отношении частных фабрик. Началось точно также с установления рабочего контроля, затем на почве контроля стали возникать постоянные конфликты, производство сокращалось, и наконец, под угрозой полной приостановки работ, 31 января 1918 г. Исполнительный комитет санкционировал постановление общезаводского комитета о конфискации частных предприятий: „фабрик, имуществ и капиталов И. Ф. Петрова, Н. И. Березина и А. Н. Евдокимова".

Это были крупные денежные тузы, владельцы многих домов, недвижимостей и больших свободных капиталов, помимо вложенных в предприятия. Рабочие фабрики выразили свое отношение к экспроприации хозяев приветственной резолюцией по адресу Совета и общезаводского комитета.

Мероприятия по захвату завода, банково-кредитных учреждений, а затем борьба со спекуляцией должны были вызвать бешенную ненависть собственников крупных и мелких предприятий.

Однако, диктатура пролетариата в Ижевске крепла и никакая внутренняя сила не могла в первые месяцы революции помешать начатому строительству советов. Если и произошел впоследствии на известное время разрыв в этом строительстве, то решающую роль тут сыграла связь внутренней силы контрреволюции г. Ижевска с внешней.

Значительно труднее прошла советизация в других районах, находящихся вблизи Ижевска: в Сарапуле, Воткинске и в ряде других пунктов. Ижевскому пролетариату пришлось послать вооруженные силы, чтобы помочь местному революционному пролетариату захватить власть в свои руки. Наиболее трудно было установить власть советов в сельских местностях. Ноябрь — декабрь месяцы проходят в волостях в борьбе за установление советской власти. Малочисленность передовой революционной части бедноты в деревне и их недостаточная организованность оттягивали победу советов. В протоколе председателя Ежевского волостного земского собрания мы читаем:

„Декабря 21 дня. Председатель Ежевского волостного земского собрания Васильев, явившись в волостную управу на очередное земское собрание, созванное для рассмотрения сметы расходов на 1918 год,

нашел, что помимо гласных в зал собрания явилась толпа крестьян, но главное с солдатами, об'явившими себя большевиками, которые подняли шум, угрожали разгромом собранию и членам управы, потребовали участия в собрании с правом решающего голоса, затем приступили к своим постановлениям. А потому, на основании 42 ст. Временного правительства о вол. земск. управлении постановили: собрание в числе 38 гласных распустить, привлечь к ответственности скандалистов, о которых поручить управе составить список, о чем и сообщить надлежащей власти"[1].

Такие документы не единичны. При слабой организованности бедноты на местах продолжала существовать земская управа, которая всячески боролась против советизации деревни. Под знамя волостного земства встали все контрреволюционные силы: феодально-крепостные остатки с духовенством и кулачеством. Возглавляли их соглашательские партии. Использовывались врагами революции различные формы борьбы: подкрашивание волостного земства под цвет советской власти, борьба за „контакт" между

[1] Иж. архив, связка 168, дело Глазовского земского управления за 1917 год

земством и создающимися советами, пролезание в советы кулачества, эсеров и меньшевиков, использование кулацкого органа „кенеш" и т. д.

В селе Поломе волостной с'езд советов хотели назвать волостным земским собранием, но представители кулачества во главе с писарем получили отпор. [1]

В селе Дебессах „кенеш" устроил расправу над организатором советов партийцем Андроновым, приехавшим в отпуск из Казани Под руководством эсерствующей интеллигенции был составлен кулачеством заговор против Андронова. Андронова заманили в дом лесничего, где симулировали насилие Андронова над женой лесничего. Для расправы над „насильником" было созвано набатом все село. Убийство Андронова кулачеством и эсерствующей интеллигенцией заслуживает особого внимания с точки зрения уяснения контрреволюционной роли пережитков родового строя удмуртской деревни, в частности „кенеш" (совет старейшин).

Положение в Глазовском уезде даже к началу 1918 г. еще не приняло настоящего советского лица. Буржуазия была парализована, но и революционная беднота не сумела к этому времени везде создать советс-

1 Из воспоминания Конышева, Ижархив, дело № 897.

кую власть. На IV уездном с'езде советов в Глазове, открывшемся 20 января 1918 года, ряд выступавших делегатов дают яркую картину этого положения.

Представитель Пудемской волости говорит: Твердая власть должна опираться на все классы... Нам нужна всенародная власть, признанная всеми классами, нет закона—нет твердой власти".

Представитель Лудошурской волости: „У нас власть—волостное земство. Организуются особые комитеты, которые будут работать совместно с земством".

Представитель Люмской волости: „Предуправы ничего не делают. Земельный комитет на бумаге, председатель комитета—скупщик льна... кулаки хлеба не дают".

Представитель Ключевской волости: „Хотели описать хлеб, богачи не дают этого делать и припрятывают. Устроили деревенское собрание, но его богачи разогнали".

Представитель Быковской волости: „Верховодят кулаки".

Представитель Веронинской волости: „Послан земством—Советов нет".

Представитель Ухтымской волости: „Власть у земства. Наши выборные люди не признают общего Совета, а больше ведут совет со священником и мелким капиталистом".

Представитель Леденцовской волости:

„Управа ничего не дала, выдавала незаконные удостоверения, допускающие спекуляцию."

Представитель Афанасьевской волости: „Бедноту гонят! Ты ничего не знаешь! А правят, укого борода пошире и карманы потолще".

Представитель Сардыковской волости: „Я от управы волости, или, как ее у нас называют, „самоуправы". Хотели принять дела от управы, но тут от комиссара бумага—брать нельзя".

Представитель Георгиевской волости: „Земская управа держит власть. Хотели избрать, но не дают. Сведений о IV с'езде волости не было. Узнал случайно, собрал собрание и меня прислали сюда".

Лодянкин жалуется на отсутствие газет, кроме большевистских. „Раньше бывали всякие. Протестует против нынешнего правительства, наложившего узы на печать. Красная гвардия получает деньги, ничего не делает, чтобы воля народа решалась снизу, а не сверху, кучкою людей. Открытым голосованием нельзя избрать твердой власти, таковая может быть избрана только из числа демократических начал путем тайного голосования".

Представитель земства Мельников: „Земство призвано служить народу. Справляли 50 лет нашего земства, так как оно являет-

ся единственным светочем народа. Земское собрание постановило: в тех местах, где не платят налоги, подати, закрыть школы. В 10 волостях закрыты все школы, именно в тех, которых хотят жить на чужой счет. Так вот оно народное право, если оно так пойдет, то все погибнет" [1].

Однако, сколько ни выражай недовольств, ни протестуй против революции, против „насилий" большевиков, остановить революцию не могла никакая сила. За первыми революционными кадрами деревни шла масса бедноты и часть середняцкого слоя. За земством оставалась поддержка небольшой кучки местных богатеев. Советы побеждали, создавали первые боевые дружины и переходили к реализации постановлений II с'езда советов.

Окончательным толчком к укреплению Советов, ликвидации остатков буржуазных учреждений правления явилось распоряжение Комиссариата внутренних дел от 24 декабря (старый стиль) 1917 г. о полной реорганизации местных деревенских властей и о создании сети советских крестьянских организаций. В этом распоряжении говорится:

„Все прежние органы местного управления, областные, губернские и уездные

[1] Дело Глаз. УИКа, по описи № 425.

комиссариаты, комитеты общественных организаций, волостные управления и пр. должны быть заменены соответственно областными, губернскими и уездными, районными и волостными советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких Депутатов. Вся страна должна покрыться сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собою".

После этого распоряжения Наркомвнудела в январе месяце и проходит Глазовский уездный с'езд Советов, где отмечается еще отсутствие Советов в ряде волостей. С'езд явился решительным переломным моментом в советизации деревни. После с'езда не только появились по всем волостям Советы, но и реализуется распоряжение Наркомвнудела по ликвидации органов земства. Если в первые месяцы революции деревенская беднота не могла покончить с буржуазными органами власти и рядом бок о бок существовали Советы и земство, то после январского с'езда Советов Глазовского уезда беднота выступила уже более организованно, но однако решающей силой в деле советизации деревни явилась оказываемая помощь из уездного центра.

Не помогла буржуазии и маскировка контр-

революции под цвет широкого национально-освободительного движения.

Насколько национальное движение было развито в Удмуртии видно из того, что начиная с середины 1917 г., по отдельным уездам области были проведены ряд с'ездов и конференций основной национальности и об'единенные с'езды и конференции ряда народностей, населяющих Вятскую и Казанскую губернии. На этих с'ездах и конференциях представители волостей выступали от имени крестьянства с рядом национальных требований.

С 1917 г. развертывается печатное дело на национальных языках (газет, журналов и брошюр), организуютя первые культурно-просветительные кружки, первые национальные школы и т. д. Появляются национальные воинские части. Вот на этих то важнейших участках командное положение и заняли контрреволюционные элементы от попов до правых эсеров включительно. Только в 1918 г. появляется в этих организациях отдельные работники коммунисты и советски настроенные работники.

Чтобы проследить использование национального движения контрреволюционными элементами, приведем несколько документов.

Газета „Виль синь" в номере от 26 янва-

ря 1918 года пишет, что торжественно, с молебствием открылась удмуртская конференция в Елабуге. По докладу о текущем моменте, отмечает газета, были большие споры между эсерами и большевистски настроенными делегатами. Абсолютное большинство с'езда стало на точку зрения эсеров. По вопросу о земельных переделах, продолжает газета в следующем номере, конференция предлагает „при недостатке земельных угодий в первую очередь выселять на новые места новожильцев „починков" (читай — русских и татар), при этом удмуртское население не распылять". Это постановление кулачество попыталось проводить в жизнь.

По воспоминаниям отдельных лиц, в Елабужском уезде происходили целые бои между крестьянами деревень старых и новых, населенных разными народностями.

Однако контрреволюционная деятельность национальной буржуазии встречала отклик только в кулацко-зажиточной прослойке деревни. В ходе революции массы бывших под колониальным гнетом рабочих и крестьян под знамя национального движения буржуазной интеллигенции не пошло. Империалистическое лицо Временного правительства масс сами было понято и никакая демагогия социал-соглашателей, агентов буржуазии не помогла. В противовес проповедуемому, классово-

му миру, беднота вела решительную борьбу с кулачеством. В городах и деревнях Удмуртии проводилась реализация решении II Всероссийского с'езда Советов и первых декретов советской власти: промышленность переходила в руки рабочего класса, а земля в руки трудового крестьянства. Развертывалась борьба со спекуляцией и организовывалось на новых началах народное хозяйство.

Однако, в ходе реализации социалистических задач революции и побочного „мимоходом" разрешения вопроса ликвидации феодально-крепостных остатков в Удмуртии со стороны местных партийных работников было допущено ряд ошибок. Это прежде всего в национальном и земельном вопросах. Местная парторганизация не учла всей важности разрешения национального вопроса и участок национально-освободительного движения если не выпал целиком из поля зрении парторганизации, то во всяком случае, необходимой борьбы за большевистское влияние в этом движении со стороны местной парторганизации не было. Это создавало почву для частичного успеха в деятельности местной националистической буржуазной интеллигенции.

Такое же упущение было в разрешении земельного вопроса, в частности специфики

его лесовладения. Вместо положительного разрешения лесного вопроса еще в августе 1918 г. отдел по управлению Глазовским уездом доносит о самовольных порубках крестьянами лесов бывших частных владельцев, удельных и государственных, как о ненормальном явлении, с которым надлежит вести борьбу решительными средствами. Решение лесного вопроса затянулось в Удмуртии надолго, и он давал о себе знать даже после обявления Удмуртской автономии.

Таково же было положение и в разрешении земельного вопроса. Глазовский уездный земельный отдел в своем докладе за август 1918 г. пишет: „Предложено всем волостным, земельным отделам... 6) представить сведения о всех землях, принадлежащих ранее церквам и частным собственникам, ныне подлежащих зачислению в запасный фонд". Насколько „революционны" были темпы разрешения земельного вопроса Глазовским Уисполкомом, предоставляем судить читателю. Пока уземотдел „собирал сведения", отдел по управлению уездом регистрировал „поправки", которые революционная деревня „самовольно" вносила в неторопливую политику местной власти.

„По частным сведениям,—доносил отдел, гражданами нанесен материальный ущерб единственному в уезде культурному участ-

ок

ку местного протоиерея Кренкина, зарегистрировано несколько случаев самовольных захватов сенокосных угодий в Гординской волости, по сообщениям лесничего, производятся самовольные расхищения лесов и самовольные запашки расчищенных полей" и т. д.

Допущенные ошибки в тактике местной парторганизации давали отражение на настроении крестьянских масс. Затяжка советизации деревни Удмуртии об'ясняется не только слабостью организации деревенской бедноты,но и теми ошибками местной парторгнизации, которые оттягивали получение во всем об'еме предусмотренных партией свобод трудовому крестьянству. Это в свою очередь давало „холодок" в массах в отношении поддержки советизации деревни.

Помощь центра, пролетариата самой Удмуртии и движение в самой гуще крестьянских масс, исправили ошибки отдельных работников и деревня весной 1918 г. уже могла решительно вести наступление на кулачество.

ИЛ

Цена 75 коп.